

Гражданская идентичность и межэтнические отношения

Методологические аспекты

Валентина Сушко

Реалии глобализации современного мира не стёрли межэтнических, межконфессиональных противоречий, не отменили стремления народов, этнических и национальных меньшинств к самоидентификации. Скорее наоборот: после достаточно длительного периода «консервации» государств-наций этнический фактор вновь становится, возможно, не до конца осознанным «двигателем» многих политических и социальных процессов, а стремление утвердить свои особые ценности нередко приводит к насилию, всплескам агрессивного сепаратизма и терроризма [1]. Так, на рубеже XX–XXI столетий появились, по выражению З.Баумана, «никому не известные или забытые «этносы» – давно исчезнувшие, но выдуманные – порой слишком малочисленные, бедные и невежественные, чтобы пройти любой из традиционных экзаменов на суверенитет, и всё же требующие собственной государственности со всеми атрибутами политического суверенитета и правом устанавливать и поддерживать порядок на своей территории» [2].

Очевидно, что феномен этничности является важным фактором влияния на социальную реальность как на локальном, так и на глобальном уровнях.

Этничность, которая определяется сторонниками релятивизма как «иллюзорная величина» и «субъективный конструкт», на самом деле пока ещё обладает вполне определённым и реальным коллективным ресурсом. Поэтому этнополитические отношения в Российской Федерации представляют со-

СУШКО Валентина Афанасьевна – кандидат социологических наук (кафедра методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова). *E-mail:* valentina.sushko@gmail.com

Ключевые слова: гражданская идентичность, межэтнические взаимоотношения.

бой сложную многоуровневую систему, функционирующую под влиянием самых различных факторов. Этнорегионализм и этносепаратизм стали следствием слома административно-командной системы управления страной и потери её управляемости из центра, отсутствия политического руководства, чёткой концепции этнической и региональной политики, многочисленных попыток разыграть в политических целях «этническую» и «региональную» карту всплеска этнического самосознания в обществе [3].

Состояние общества, поведение людей, принимаемые и отвергаемые ценности и нормы, интересы и принципы, стереотипы и установки, составляющие его, можно с той или иной степенью достоверности прогнозировать с помощью их идентичности. Поскольку социальная идентичность – это осознание своей принадлежности к социальной группе, то, следовательно, это и принятие значимых в данной группе ценностей, установок, стереотипов и норм. Социальная идентичность помогает понять то, как интегрируются в одном и том же человеке совершенно различные по своей природе паттерны личностного и безличного поведения, как осуществляется выбор поведения, сдвиг от поведения межгруппового к межличностному, и наоборот.

В рамках дискуссии о противоречивости, антагонизме межгрупповых и межличностных начал в человеке авторы определяют межгрупповое поведение как «...любое поведение, демонстрируемое одним или большим числом действующих лиц в отношении одного или большего числа других на основе идентификации действующих лиц (себя и других), как принадлежащих к различным социальным группам или категориям». Такое определение помогает преодолеть ограниченность бихевиористско-индивидуалистических подходов,

сводящих все формы поведения к межличностному. По мнению Г.Тэддфела, межличностные и межгрупповые формы взаимодействия представляют собой два полюса единого биполярного континуума, на котором можно расположить все возможные варианты социального поведения [4]. Один полюс – взаимодействие, определяемое полностью межличностными отношениями и индивидуальными характеристиками участников, на которое не оказывает влияние принадлежность к разным социальным категориям. На другом полюсе – взаимодействие между людьми, полностью детерминированное их групповым членством, на которое не влияют их индивидуальные отношения и характеристики.

Изучение идентичности восходит к работам У.Джемса, который в конце XIX в. разработал концепцию осмысления личностью своей самоидентифицированности, своих границ и места в мире [5]. Джемс показал, что человек думает о себе в двух плоскостях, а именно: в личном (*I*), где создаётся личностная самоидентифицированность, и в остальном (*Me*), где формируется многообразие социальных «я» индивида. Эти две плоскости – стороны одного целостного образования (*self*). Учёный сформулировал вопрос, который определил дальнейшее направление исследований

идентичности: «Может ли человек утром, вставая с постели, сказать, что он тот же самый, кто ложился вечером спать?»

Данная концепция создавалась в конкретных социальных условиях, в частности, в демократическом обществе, где человек имеет возможность и должен делать самостоятельный выбор целей.

В эту же группу можно отнести работы Э.Фромма, который, работая в русле неопрецидизма, вплотную подошёл к проблематике социальной идентичности. Он начал писать о проблеме идентичности после того, как эмигрировал из нацистской Германии в Америку (1933 г.). Реакцией на это событие стало несколько его публикаций, в которых он описывает влияние тоталитарных систем (фашизм, сталинизм) на личность человека.

Первое обращение к проблематике идентичности было сделано в работе «Бегство от свободы», где он, по сути, вводит понятие идентичности, а также описывает мотивы возникновения той или иной идентичности.

Идентичность появляется в процессе развития и означает чувство принадлежности к какой-то целостной структуре, осознание человеком того, что он является частью этой структуры и занимает в ней определённое бесспорное положение. Идентичность помогает человеку реализовать основную потребность и найти свою социальную нишу, что позволит ему избежать наихудшего страдания – полного одиночества и сомнений. Фромм показал сложную взаимосвязь идентичности с конкретными историческими условиями, а также связь между чувством свободы и чувством одиночества, опреде-

лённый баланс между которыми устанавливается при идентификации.

В середине XX в. появились и другие работы, которые по-своему повлияли на развитие проблемы идентичности в психологии. Например, феноменилистический, перцептивный или гуманистический подход (Дж.Брунер, К.Роджерс и др.), который, так же как и теория социальной идентичности, базируется на нескольких психологических основаниях, в частности когнитивном и личностном, и рассматривает поведение индивида как результат восприятия ситуации.

Восприятие выступает в роли центрального понятия. Главная идея сторонников этого направления заключается в том, что человек не может повлиять на реальные события (можно лишь избежать или включиться в ситуацию, но не изменить то, что уже свершилось или совершается с нами). Для человека более доступно изменение восприятия этих событий и переосмысление происходящего.

На наш взгляд, феноменилистический принцип субъективности восприятия, связанного с организацией сознания и поведения личности и понимание образа «я» как перцептивной установки, через которую преломляется восприятие окружающей действительности и самого себя, близко расположено к тому, что подразумевается под идентичностью. Близость данного подхода к теориям идентичности проявляется и в понимании личностного «я», которое представляет собой внутренний механизм, в котором заключаются преломленные в ходе восприятия отражения реальности. Он формируется

под влиянием оценочных и аффективных установок и поэтому может быть хорошим или плохим. Качество оценок задается воздействием культуры, других людей и самого человека.

В современном многонациональном государстве, каковым является Российская Федерация, важно сохранить мир и стабильность в межэтнических отношениях. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть вопрос об идентичности граждан России, которая складывается из определения этнической и национальной идентичности людей, проживающих на территории страны и являющихся её гражданами.

В связи с сегодняшним положением этнических групп в многонациональном государстве актуален вопрос и о власти, которую имеют те или иные этносы или их отдельные представители.

Можно выделить два аспекта в этой борьбе: получение власти и её удержание.

Поиск ответа на данный вопрос приводит, во-первых, к определению общности, которая включает в себя этническую группу и отражает структуру именно современного общества. Во-вторых, этнос как таковой не может мыслиться, скажем, частью политической системы или элементом государства, или его территориально-структурным подразделением и т.д. Наконец, в-третьих, этнос – это потенциальный субъект социального и, в частности, политического действия, т.е. группа людей, которая может бороться или бороться за государственную власть. Следовательно, общность, в рамках кото-

рой он реально борется за власть, необходимо должна обладать государственностью.

Если строго подходить к вопросу, следует признать, что нет в науке общепризнанного, сколько-нибудь устойчивого понятия, которое единственно обозначало бы современную общность, необходимо обладающую государственностью. Однако можно легко назвать понятие из современного научного лексикона, обладающее двумя различными интерпретациями, одна из которых целиком совпадает с полученным определением искомой общности. Это – нация. Данный термин употребляется в современной социологии в двух конкурирующих значениях:

– нация как национальность, как этнос, как группа людей, обладающая общностью языка, культуры, экономической жизни, и т.д.;

– нация как совокупность граждан государства, т.е. как общность, обладающая государственностью [6].

В советской социологии и социальной философии единственно преобладало первое понимание нации, сформулированное И. Сталиным в 1913 г. и после 1917 г. ставшее, по сути, официальной государственной точкой зрения по данному вопросу. Согласно ей «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [7]. Но данное определение лишь вариант примордиального определения этноса, отличающееся только деталями. Данное понимание нации как этноса сегодня доминирует на Западе.

Его разделяют такие известные этносоциологи, как Б.Андерсон [8], Э.Смит [6] и др. [9].

Таким образом, с данной точки зрения, нация и этническая группа – это либо одно и то же, либо, в крайнем случае, нация – это «полноценный» этнос, а этнос – «неполноценная» нация; но здесь и там нация – культурная общность, чьи границы необязательно совпадают с границами государства.

Однако на практике там абсолютно господствует понимание нации как гражданской общности, существующей в рамках государства, безотносительно к её этническому составу. Именно из такого понимания появилась название «Организация Объединённых Наций» и выросли понятия национальной безопасности, национальных интересов и т.д. [10]. Такое употребление нации устоялось в Европе уже к началу XVII в. Однако даже в конце XX в. некоторые западные социологи, такие как У.Кон-нор, Э.Геллнер [11], продолжают отождествлять понятия этноса и нации.

Ещё один авторитетный западный социолог К.Дойч писал: «Нация – это результат трансформации в народ нескольких этнических элементов в процессе социальной мобилизации». То есть она представляет собой народ, который добился контроля над некоторыми институтами социального принуждения и в перспективе может сформироваться в полноценную нацию-государство» [12].

В российской этнологии сходного понимания нации придерживается В.Тишков, считавший, что государственная общность имеет больше оснований называть себя нацией, чем

коалиция, основанная на этнической идентификации [13].

Подобным образом понимает нацию и лидер татарского национального движения Р.Хаким, определивший нацию как сумму граждан, объединившихся в государственную общность независимо от этнического происхождения» [14].

Таким образом, в современной социологии имеются два различных определения понятия «нация», как:

– языково-культурная и прочая общность;

– совокупность граждан государства. Причём в мировой политической практике термин «нация» употребляется исключительно во втором значении.

Опыт моноэтнических государств подтверждает тезис о связи мобилизации этноса с отсутствием национальной идентификации. Хотя в современном мире нет этнически «чистых» государств, в качестве их исторической «тени» можно назвать, например, Японию и Норвегию [15]. Там название государства производно от самоназвания единственного этноса. В них этнос не может противопоставлять себя нации в качестве субъекта политического действия, поскольку он и есть та самая нация, обладающая государственностью. Таким образом, самоидентификация этноса как нации (растворение в нации) делает невозможной его мобилизацию и превращение в субъекта политической деятельности. Однако нация может быть мобилизована как единая политическая сила против внешнего противника, и гражданин как частное лицо может быть мобилизован под каким-нибудь политическим лозунгом в рамках какой-то

политической партии, не противопоставляющей себя нации.

Если нация состоит из более чем одного этноса, возникает совершенно иная ситуация. Вопрос о мобилизации этноса, о его превращении в субъекта социального и политического действия, противопоставляющего себя нации, а свои интересы – национальным интересам, зависит исключительно от того, идентифицируют ли себя члены этнической группы в качестве членов нации, считают ли они национальное государство своим государством, а себя, хотя бы номинально, суверенным источником власти в этом государстве.

В современном мире существует много полиэтнических государств, в которых отсутствуют признаки этнической мобилизации. Например, современная Германия включает в себя в качестве этнических групп баварцев, саксонцев, тюрингцев, франконцев и др. Но представители указанных этносов на первое место устойчиво ставят национальную идентификацию, т.е. воспринимают себя как немцев. Соответственно, по крайней мере в XX в., несмотря на две национальные катастрофы, в Германии не зафиксирована мобилизация какого-нибудь этноса. Назовём основные причины, вытекающие из характера национального государства, по которым подобная идентификация становится невозможной.

Анализ этих причин можно начать с констатации, что каждый гражданин полиэтнического государства обладает двумя идентичностями.

1. Этническая идентификация в современных демократических обществах – это сугубо личная идентичность человека, как и вероисповедание, половая ориентация и т.д. Лишь изредка, например в СССР, она имеет официальный статус. Но в новой России она утратила официальность.

2. Напротив, национальная идентичность всегда официальна: она присваивается по факту гражданства и «выдаётся» вместе с паспортом гражданина государства. И вне зависимости от воли гражданина, предъявляя национальный паспорт, например, пограничным службам другого государства, он представляется им по национальному имени – натолиму: я – россиянин (француз, итальянец и т.д.).

Таким образом, в полиэтническом государстве каждый гражданин, называющий себя этническим именем, должен принять и другое имя – национальное, а в определённых случаях и называться им.

В качестве примера приведём книгу татарского писателя А.С.Хоcea «Теория общества», в которой он вынужден называть российских учёных «бывшими советскими учёными», «современными советскими учёными» и т.п. [16], т.е. избегать табуированного имени гражданина «другого» государства. Подобное табуирование и есть фактическая иноидентификация, которая всегда показывает границу между теми, кто входит в данную группу, и теми, кто не является её членами [17].

Другим фактором, объективно препятствующим национальной идентификации граждан полиэтнического государства, является государственный (национальный) язык. Граждане единой страны в силу объективных обстоятельств (единства системы образования, права, экономики и т.д.) должны говорить на одном языке. И если этот язык опять же

является родным языком какого-то другого этноса, входящего в нацию, тогда это обстоятельство сразу же делит нацию на две части: «истинных» носителей национального языка (литературы, культуры и т.п.), и «иноязычных» граждан, как бы «приобщающихся» к национальной культуре.

Наконец, третьим препятствием для национальной идентификации представителей этнической группы в рамках полиэтничного государства является этнократический характер государства.

Этнократия – национальная партия, контролирующая государственную власть, составленную из представителей доминирующей этнической группы, и выбирающая всегда в качестве национальных интересов интересы доминирующего этноса. При этом партия – это социополитически мобилизованная (в данном случае по этническому признаку) часть нации.

Очевидно, если государство приобретает этнократический характер, национальная идентификация для представителей недоминирующих этнических групп становится практически невозможной. Государство не только не воспринимается ими в качестве «своего», а становится чуждой силой, потенциально угрожающей их безопасности и благополучию.

Таким образом, институт государства, принадлежащий полиэтничной нации, может обладать атрибутами, делающими невозможной национальную идентификацию какой-то этнической группы, формально являющейся частью этой нации. Тогда представители этноса противопоставляют свою этническую идентичность национальной, свои групповые интересы – национальным, а на место лояльности государству ставят отрицание его легитимности. Происхо-

дит мобилизация этнической группы, пре- вращение её в субъекта политического действия, вступающего в борьбу за государственную власть.

В государстве, где проживает большое количество этносов, важной проблемой является описание связи этноса и государства. Доминирующей теорией, описывающей связь гражданской идентичности и межэтнических отношений, является теория ассимиляции.

Одна из наиболее полных концепций ассимиляции была разработана американским социологом Мильтоном Гордоном, который выделил семь основных стадий, которые проходят этнические группы до полной ассимиляции (растворения) в какой-то среде, в нашем случае – в государстве, а именно [18]:

1. *Культурная ассимиляция* (аккультурация) – принятие социокультурных стандартов доминирующего этноса.
2. *Структурная ассимиляция* – широко масштабное вхождение членов этнического меньшинства как в формальные, так и неформальные общественные структуры и институты.
3. *Брачная ассимиляция* (амальгамация) – высокий процент браков, где супруги являются представителями различных этносов;
4. *Идентификация* – развитие чувства социальной общности по отношению к доминирующей группе.
5. *Принятие культурных норм* – отсутствие предубеждений и предрассудков по отношению к принимаемым культурным нормам.
6. *Принятие поведенческих стандартов* – отсутствие дискриминации.
7. *Гражданская ассимиляция* – отсутствие ценностного и силового конфликтов в рамках определённого государства.

Структурная ассимиляция выделялась Гордоном в качестве ключевого момента. Он утверждал, что в случае свершения этапа структурной ассимиляции все остальные стадии ассимиляционного процесса последуют автома-

тически. Приобретение чувства социальной общности по отношению к другой этнической группе и государству, принятие культурных норм и поведенческих стереотипов приводит к исчезновению данной этнической группы как самостоятельного сообщества. Теперь она тесно переплетена с другим (другими) этносами и с государством.

Иначе на процесс национальной и этнической идентификации смотрят европейские учёные (Е. Франсис и др.). Они утверждают, что если национальные и культурные традиции этнических групп достаточно сильны, то они позволяют этносам длительное время противостоять такому типу культурной и идентификационной ассимиляции [19]. Эти утверждения основаны на изначальном различии двух типов этнических сообществ: первичных и вторичных, где первичные группы были исторически включены в состав данного государства, а вторичные определяются как состоящие в основном из иммигрантов, самостоятельно переехавших в данное государство на индивидуальной основе.

Другая модификация ассимиляционной перспективы была предложена этносоциологом Эндрю Грилеем. Он считал возможными периодические повороты в ассимиляционном процессе и предположил, что ассимиляция национальной элиты сопровождается короткой активной стадией, в течение которой возникают национальные политические организации, их этническая гордость и самосознание находятся в центре общественного внимания. Э. Грилей считает, что образованию этнических сплоченных единств активно способствует сосуществование многих этнических групп в населении страны, и обычно «общество терпимо и даже содействует им» [20]. Основываясь на этом, учёный попытался переориен-

тировать исследовательский интерес, направив его на генезис и причины устойчивости культурных особенностей, характерных для этнических групп в современном обществе. Культурно-политические условия, вызывающие появление этнических сообществ и этнического самосознания, становятся здесь центральной проблемой исследования.

Таким образом, ассимиляция – это процесс усвоения отдельными членами этнической группы, а затем и всем сообществом основных социально-культурных характеристик другого этнического сообщества (как правило, более многочисленного), а именно: языка, традиций (обрядов и обычаев), системы социальных приоритетов и т.д. Изменение индивидуальной самоидентификации и группового самосознания в результате осуществления процесса ассимиляции приводит к смене идентичности индивида или группы. Важным фактором, влияющим на характер изменений гражданской идентичности в ассимиляционном процессе, является тип включения этнических групп в состав населения страны. Теоретическое деление на первичные и вторичные группы представляется применимым в случае изучения этнической ситуации в Российской Федерации, где существует достаточно заметная связь между характером включения данной этнической группы в пределы России, её культурными характеристиками и типом политической активности.

В современном многонациональном государстве вопрос об идентичности граждан является важным, так как помогает сохранить стабильность общества. Она складывается из определения этнической и национальной идентичности людей, проживающих на территории страны и являющихся её гражданами.

Определить гражданскую идентичность в рамках полиэтнического государства можно при помощи рассмотрения трёх аспектов:

- двойной идентичности его граждан (этнической и национальной);
- государственного языка;
- этнического состава власти и доступа представителей различных этнических групп к ней.

Для формирования стабильных и благоприятных межэтнических отношений в современном российском обществе государству необходимо гарантировать равные права и возможности для всех граждан не только на теоретическом (документальном), но и на практическом уровне (в реальной жизни), а также обеспечить воспитание в его гражданах таких качеств, как уважение и толерантность по отношению к окружающим.

Примечания

1. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. С. 48.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 93–94.
3. Татуниц С.А. Этносоциология. М.: МАЛП, 1999. С. 18.
4. Тэджфел Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения. М., 1982.
5. Джемс У. Принципы психологии. М.: Педагогика, 1991. С. 243.
6. Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. N.Y.: Oxford, 1986. P. 10–11, 129.
7. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. С. 296.
8. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983. P. 48.
9. Оомен Т.К. Раса, этния и класс: анализ взаимосвязей // Международный журнал социальных наук. 1994. № 3 (6). С. 111–112.
10. Празаускас А.А. Этнос и политика. М., 2000. С. 52.
11. Коннор У., Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 92–94.
12. Deutsch K.W. Tides among Nations. N.Y.: Free Press, 1979. P. 13–14.
13. Тишков В. О нации и национализме. Полемиические заметки // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 36–37.
14. Хаким Р. Сумерки империи. К вопросу о нации и государстве. Казань, 1993. С. 13.
15. Riggs F. Ethnonationalism, Industrialism and Modern State // Third World Quarterly. 1994. Vol. 15. № 4. P. 598–599.
16. Хоцей А.С. Теория общества. Казань, 1999. Т. 1. С. 169, 338, 340.
17. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. Hutchinson J., Smith A.D. (eds.) Ethnicity. Oxford, 1996.
18. Gordon M.M. Human nature, class, and ethnicity. N.Y.: Oxford University Press, 1978. P. 71.
19. Francis E.K. Interethnic relations an essay in sociological theory, 1976.
20. Greeley A.M. Ethnicity, denomination, and inequality. London: Sage Publications, 1976. P. 99–308.